

мории, были заявлениями о солидаризации с одной из петиций из Царства Польского. При подсчете не принимались во внимание петиции прибалтийских крестьян, специально нами рассмотренные,³⁹ а также посвященные таким вопросам, как разрешение вдовым священникам вступать во второй брак, меры против конокрадства, предложения лотерей, судебные жалобы, крестьянские нужды чисто местного характера и т. п. Петиции, содержание которых осталось нам неизвестным, учитывались. Как уже указывалось, из 618 петиций 161 была крестьянской.⁴⁰

Повторяемость требований в различных группах петиций, содержание которых нам известно (о некоторых мы знаем лишь по упоминаниям в ведомостях), и во всем их корпусе может быть выражена с помощью приводимой таблицы. При обращении к ее данным следует иметь в виду, что некоторые из требований в тех или иных сочетаниях фигурировали в решениях различных общероссийских организаций и съездов и распространялись печатью и что эти решения и сообщения печати служили источниками при составлении петиций.

И. В. АЛЕКСЕЕВА

**К ИСТОРИИ ОДНОЙ ПОЕЗДКИ.
ПО МАТЕРИАЛАМ НЕОПУБЛИКОВАННОГО ДНЕВНИКА
П. Н. МИЛЮКОВА
(август—сентябрь 1916 г.)**

Отношение России с ее союзниками к середине 1916 г. оставляли желать лучшего. Смена главы Министерства иностранных дел, проводника «антантофильской» политики и одного из творцов Антанты С. Д. Сазонова, на одиозную в глазах общественного мнения Англии и Франции фигуру Б. В. Штюрмера, слухи о «сепаратных» веяниях в русских правительственных кругах, бешеная антианглийская кампания, поднятая в правой печати, — все это осложняло положение России в Антанте. В правительственных кругах Англии и Франции постепенно крепло убеждение в необходимости дальнейшего упрочения связей с лидерами русской буржуазной оппозиции, в которых союзники начинали видеть единственных реальных (в противовес официальной России) своих сторонников. Успех русской парламентской делегации, посетившей страны Согласия весной 1916 г., и

³⁹ Ганелин Р. Ш. Петиции эстонских, латвийских и литовских крестьян по указу 18 февраля 1905 г. // ВИД. Л., 1987. XVIII. С. 195—208.

⁴⁰ Ряд крестьянских ходатайств, не вошедших в число рассмотренных Нольде, Особым присутствием и Сольским, см.: Революция 1905—1907 гг. в России: Революционное движение в России весной и летом 1905 г. Апрель—сентябрь. М., 1957. Ч. 1. Док. 403, 428, 462, 465, 478, 479, 484, 501, 525, 562.

налаженные в ходе этого визита контакты еще больше способствовали их сближению.¹

Со своей стороны русская буржуазия, уже с первых месяцев 1916 г. начавшая новый этап борьбы с правительством, основной упор (в отличие от событий 1915 г.) делала на дискредитацию его в области внешней политики. «Мы... должны взять в свои руки не только внутренние дела, но и всю внешнюю политику, парализовать германские закулисные влияния и вывести гофмейстера Штюрмера на чистую воду», — так сформулировал для своей партии задачи момента П. Н. Милюков.²

Одним из наиболее ярких примеров активной политической кампании оппозиции против Штюрмера и покровительствовавшей ему придворной клики являются события, связанные с пребыванием П. Н. Милюкова на Западе в августе—сентябре 1916 г. История второй поездки кадетского лидера в Англию и во Францию в 1916 г. оставалась почти неизвестной для исследователей.³ В настоящей статье мы предпримем попытку осветить этот небезынтересный сюжет, основываясь на не использовавшихся до настоящего времени архивных документах, а именно на записных книжках Милюкова, хранящихся в ЦГАОР СССР.

Записные книжки П. Н. Милюкова — это по сути подробнейшие дневники его пребывания за границей с апреля по июнь и с августа по сентябрь 1916 г. Они представляют собой четыре книжки небольшого формата, сплошь (и зачастую в полном беспорядке) исписанные мелким, бисерным почерком (чернилами или карандашом). Все это создает значительные сложности при их расшифровке.⁴

Официальной целью поездки П. Н. Милюкова объявлялось чтение ряда публичных лекций, в первую очередь в Великобритании, в Кембриджском университете. Приглашение было устроено через известного историка и литератора Бернарда Пэйрса, претендовавшего на роль знатока русских проблем.⁵ Помимо Милюкова

---

¹ Алексеева И. В. К предыстории контрреволюционной политики буржуазии по вопросу о войне и мире: (поездка русской парламентской делегации в Англию и Францию в 1916 г.) // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1980. С. 306—315.

² Донесение начальника Московского охранного отделения директору Департамента полиции 30 сентября 1916 г. // ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 246, л. 27, ч. 46 (л. Б.), л. 15.

³ Первую поездку (апрель—июнь 1916 г.) Милюков предпринял в составе русской парламентской делегации. Менее чем через месяц после возвращения в Россию в связи с резко изменившейся внешнеполитической обстановкой он вновь выехал за границу.

⁴ Некоторые материалы первой записной книжки Милюкова, касающиеся его пребывания в Англии в составе русской парламентской делегации (17 апреля — 15 мая 1915 г.), были частично опубликованы в 30-е гг. в журнале «Красный архив». См.: Дневник Милюкова (апр. 1916 г.) // Красный архив. 1932. № 5—6. С. 5—40. — К сожалению, в дальнейшем публикация не была продолжена.

⁵ Б. Пэйрс — профессор русской истории, языка и литературы, сотрудник Ливерпульского (1908—1918 гг.) и Лондонского (1919—1936 гг.) университетов. Был тесно связан с лидерами русской буржуазной оппозиции, особенно с «де-

в состав делегации были включены П. Б. Струве, А. С. Лаппо-Данилевский, Р. Дмовский. В Великобритании ее должен был сопровождать корреспондент «Манчестер Гардиан» в России Гарольд Вильямс, тесно связанный с руководством кадетской партии. Милюков, по-видимому, воспользовался поездкой для сбора в Англии, Франции и нейтральных странах порочащей «сепаратные» колебания правительства Николая II информации и слухов в целях полной дискредитации его внешнеполитической линии. Визит начался 18 (31) июля 1916 г. Первая запись датирована П. Н. Милюковым 1 августа 1916 г. (г. Берген).⁶ В ней очень подробно рассказывается о свидании Милюкова с министром финансов П. Л. Барком, возвращающимся домой после неблагоприятного для России окончания второй межсоюзнической конференции министров финансов в Лондоне в июле 1916 г.⁷ Барк сообщил Милюкову, что английский министр финансов Мак-Кена настаивал на непременном вывозе из России в Англию золота на сумму 40 млн. фунтов стерлингов в счет обеспечения союзных кредитов и отказывался предоставить русским просимый ими кредит на сумму в 150 млн. фунтов стерлингов, так что Барк и начальник Генерального штаба генерал М. В. Беляев были вынуждены пригрозить союзникам изменить кардинально военно-стратегические планы России. «Россия им не Сербия и не Черногория!» — возмущенно заявил Барк Милюкову.⁸ Не менее сложно, по словам Барка, проходили и переговоры в Париже с французским министром финансов А. Рибо, который в ответ на просьбу увеличить ежемесячный французский кредит России со 125 до 150 млн. руб. предложил «уплатить половину товарами — хлебом, зерном, спиртом и т. п.»⁹ Поражающая воображение откровенность русского министра в разговоре с лидером кадетов простиралась помимо финансовой и на личную сферу — Барк сообщил Милюкову о крайне «тяжелом» впечатлении, произведенном на него отставкой С. Д. Сазонова, тем более что и он сам был замешан в известной «министерской забастовке» летом 1915 г., «подписал письмо о непринятии командования (Николаем II. — И. А.)» и теперь опасался возможных последствий. Следующие записи датированы 5 августа 1916 г. и сделаны после «скверного переезда в Ньюкасл, а оттуда прямо в Кембридж».

ловыми людьми», сгруппировавшимися вокруг Военно-промышленного комитета и Особого совещания по обороне. Он — автор нескольких книг, посвященных истории России в интересующий нас период. См.: *Pares B.* 1) *My Russian Memories*. London, 1931; 2) *A History of Russia*. London, 1947. Ch. 24 (1914—1917); 3) *Day by Day with the Russian Army (1914—1915)*. London, 1915; 4) *The Fall of the Russian Monarchy*. London, 1961. — Б. Пэйрс считается одним из основоположников современной западной «россики».

⁶ Записная книжка П. Н. Милюкова. № 4 // ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1 (кн. 3), д. 3546, л. 25.

⁷ *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960. С. 546—553; *Емцев В. А.* Очерки внешней политики России. 1914—1917. М., 1971. С. 332.

⁸ Записная книжка П. Н. Милюкова. № 4. Л. 27 об.

⁹ Там же. Л. 26.

В Кембридже, в знаменитом «Тринити Колледж», участники поездки выступили с двумя публичными лекциями 3 и 5 августа «при полной аудитории», судя по замечанию Милюкова.¹⁰ Тексты выступления вошли в изданный год спустя сборник «Русская реальность и проблемы», все они отличаются резко оппозиционным по отношению к русскому правительству тоном и демонстративными реверансами в адрес «обличенной доверием страны» Думы.¹¹ Особое внимание привлекла речь Милюкова о парламентской системе в России, полная резких выпадов в сторону русских «реакционеров» и благожелательности к «русскому либеральному движению». «Слишком много прошлого в русском настоящем, и это тревожит», — так вкратце передавала «Речь» содержание выступления Милюкова.¹² В расчете на английское общественное мнение Милюков указывал и на то, какое «большое влияние имеют английские политические убеждения свободы и справедливости на русское представительство».¹³ По сути дела «лекционная» часть поездки Милюкова был исчерпана двумя указанными выступлениями, и с этого момента он смог приступить к практическому осуществлению неофициальных целей своего визита.

В Англии дважды, 24 июля (6 августа) и накануне отъезда 26 августа (8 сентября), Милюков встречался с русским послом А. К. Бенкендорфом и другими сотрудниками посольства. И в первом, и во втором случаях темой для беседы была происшедшая недавно отставка С. Д. Сазонова. «В посольстве, — записывает Милюков после первой встречи, — все крайне удручены отставкой Сазонова».¹⁴ Помимо этого «печального» события посол и кадетский лидер обсуждают еще более «печальные» слухи о предполагаемом назначении на пост товарища министра иностранных дел «известного своими прогерманскими симпатиями посла в Португалии П. С. Боткина».¹⁵ Если отставка Сазонова, заявил будто бы Бенкендорф, вызвала недоумение, то назначение Боткина будет прямым ударом Согласию.¹⁶ В беседе с Милюковым 26 августа (8 сентября) Бенкендорф сообщает ему ряд фактов, свидетельствующих об ухудшении официальных отношений между Россией и Англией после отставки Сазонова. По его мнению, не имея теперь уверенности в твердости русской политической ориентации, особенно после войны, Англия вновь сможет «под-

¹⁰ Там же. Л. 25.

¹¹ *Milukov P., Struve P., Lappo-Danilevsky A., Dmovsky R., Williams H. Russian Realities and Problems.* Cambridge, 1917.

¹² Речь. 1916. 24 августа.

¹³ *Milukov P., Struve P., Lappo-Danilevsky A., Dmovsky R., Williams H. Russian Realities and Problems.* P. 5.

¹⁴ Записная книжка П. Н. Милюкова. № 4. Л. 25.

¹⁵ Боткин действительно был рекомендован Штюрмером Николаю II на пост товарища министра иностранных дел. См.: *Семенников В. П.* Монархия перед крушением. М., 1927. С. 150. — Однако вследствие протеста английского посла Д. Бьюкенена, заявившего, что это назначение в Англии будут рассматривать как прямое свидетельство «изменения сердечных отношений России к союзникам», Штюрмеру пришлось от этого намерения отказаться (там же. С. 149).

¹⁶ Записная книжка П. Н. Милюкова. № 4. Л. 24.

нять вопрос о Константинополе». ¹⁷ Кроме того, заявил Бенкендорф, «если Россия пойдет после войны на сближение с Германией, то и Англия в свою очередь пойдет с ней на соглашение». ¹⁸ Кроме того, посол сообщил Милюкову, что английские государственные деятели и дипломаты стали говорить с ним «с некоторой осторожностью» и «не все показывают, как прежде». ¹⁹ Советник посольства К. Д. Набоков «конфиденциально» рассказал Милюкову, что Бенкендорфу прямо намекнули на печальный факт: со времени ухода Сазонова «германцы очень хорошо знают, что предпринимают союзники». Характерно, что Бенкендорф сообщил Милюкову сведения, которые несколькими днями позже были им использованы в секретной телеграмме новому министру иностранных дел, в ней говорилось о «дымке, подернувшей доверие к России» со стороны союзников. ²⁰

Воспользовавшись своей «лекционной» поездкой, Милюков побывал во Франции, где неоднократно встречался с русским послом А. П. Извольским. Последний, между прочим, заявил, что отставка Сазонова — это результат интриги группы лиц, считающих, что «дружба с Англией и Францией противоречит внутренней политике России». ²¹ Хорошие отношения, установившиеся у Милюкова с Извольским, не помешали ему наводить справки о «германофильских симпатиях» последнего. ²² Кроме того, во Франции Милюков встречался с лидером французской межпарламентской группы Франклин-Бульоном, с которым вел переговоры о проведении межпарламентской конференции в Петрограде и обсуждал достоинства и недостатки ряда государственных деятелей Англии и Франции, ²³ и с французским социал-шовинистом П. Реноделем о «настроениях в среде европейской социал-демократии» по вопросам войны и мира. ²⁴ 7 (20) сентября, возвращаясь в Россию, Милюков встретился с норвежским королем Гаконом при посредничестве русского посланника Гулькевича и вел с ним беседу о внутреннем положении России. «Благотворным делом было бы для императора Николая, — заявил будто бы Гако Милюкову, — призвать после войны народных представителей и сказать: вы помогли стране, скажите, что вы хотите, и дать конституцию». ²⁵ Милюков заверил короля, что его слова «совершенно спра-

---

¹⁷ Там же. Л. 14.

¹⁸ Там же. Л. 14 об.

¹⁹ Там же.

²⁰ А. К. Бенкендорф — Б. В. Штюрмеру, 1 (14) сентября 1916 г. // ЦГАОР СССР, ф. 627, оп. 2, д. 15, л. 7—10.

²¹ Записная книжка П. Н. Милюкова. № 4. Л. 21 об.

²² Милюков исходил из полученного им конфиденциального сообщения некоего Августина Рэя, архитектора, оказавшегося позже чуть ли не немецким агентом. Последний сообщал, что в русском посольстве в Париже — «германофильское гнездо», жена посла — «остзейская немка», а сам Извольский «тесно связан с немецкими банками в Швейцарии». См.: Записная книжка П. Н. Милюкова. № 4. Л. 6 об.—7.

²³ Там же. Л. 17.

²⁴ Там же. Л. 11 об.

²⁵ Там же. Л. 30 об.

недливы», и просил его воздействовать в этом плане на царскую чету путем родственных связей.²⁶

Интересные встречи и беседы проходили у Милюкова в Швейцарии, куда он прибыл проездом в Париж 1 сентября 1916 г. Используя свои «старые связи» в кругах русской политической эмиграции, кадетский лидер навел в Берне и Лозанне кое-какие справки о «германофильских салонах» в Швейцарии, с которыми, как он считал, был через своих агентов связан Штюмер. В записной книжке Милюкова появляется несколько кратких записей, например: «Салон в Montreux (Монтре): салон фрейлины Нарышкиной и госпожи Кнорринг».²⁷ О них сообщается ряд скупых сведений, намеренно подчеркивающих их германофильскую ориентацию: «Нарышкина, разведенная жена графа Толя, в связи с князем Лихтенштейном, имеет от него сына, теперь — в Петрограде. Кнорринг — дочь Шувалова, должница дрезденских банкиров, ярая германофилка».²⁸

В записях Милюкова впервые упоминаются две фамилии полицейских чиновников, на которых вышел в нейтральной Швейцарии Милюков и которых он считал основным связующим звеном между ищущими сепаратного мира германофильскими кругами в России и склонными к такому миру влиятельными лицами в Германии, — Л. А. Ратаев (Рихтер), бывший начальник бюро заграничных агентов, и В. Н. Лебедев, бывший начальник Московского охранного отделения.²⁹ Сведения Милюкова подтвердил частично директор Департамента полиции Е. К. Климович, давший показания для Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.³⁰

В целом все же следует заметить, что сведения, собранные Милюковым в Берне и Лозанне, не представляются нам первостепенно важными, так как являются, скорее, собранием слухов, циркулирующих в эмигрантских кругах. На основе кратковременного знакомства с деятельностью двух «дамских» салонов, известных настроениями в пользу Германии, и двух, хотя и незаурядных, агентов охраны, наблюдавших за русской политической эмиграцией, трудно было составить целостное впечатление об общей перемене внешнеполитической ориентации России. Исходя из политических целей и установок, выдвинутых русской буржуазной оппозицией (желание дискредитировать правительство и «свалить» Штюмера), Милюков по возвращении намеренно в выступлениях сгущал краски и преувеличивал значимость добытых сведений, в чем сам и признавался.³¹

Вернувшись в Россию, Милюков поделился своими впечатлениями и подвел итоги поездки на проходивших 31 сентября и 1 октября в Москве заседаниях ЦК кадетской партии. Кадетский лидер, в част-

²⁶ Там же. Л. 31.

²⁷ Там же. Л. 7 об.

²⁸ Там же. Л. 2.

²⁹ Там же. Л. 3, 5 об.

³⁰ Допрос Е. К. Климовича // Падение царского режима: По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: Стенографические отчеты. М.; Пг., 1924. Т. 1. С. 90—91.

³¹ Милюков П. Н. Воспоминания. 1859—1917. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 267—268.

ности, сообщил, что он собирал за границей материалы о деятельности Штюрмера в качестве главы Министерства иностранных дел и решил выступить по этому поводу в Государственной думе.³² Особый интерес представляет та часть выступления Милюкова, в которой речь идет об отношении правительственных кругов союзников (преимущественно английских) к русскому правительству и буржуазной оппозиции. Союзники, по его словам, «с чувством ужаса следят за тем хаосом, который благодаря политике гофмейстера Штюрмера установился в России», и в результате «престиж русской династии и правительства за границей пал до последней степени». ³³ Особенно союзники, как представлялось Милюкову, опасаются, что благодаря «сознательной тактике» Штюрмера «Россия будет принуждена выйти из игры». ³⁴ С большим удовлетворением кадетский лидер констатировал, что, утратив веру в твердость и неизменность внешнего и внутреннего правительственного курса и в решимость официальной России вести войну до «победного конца», союзники все большие надежды начинают возлагать на русскую буржуазную оппозицию как единственную реальную поддержку в совместной борьбе. «Союзные демократии Европы, — будто бы заявил Милюкову Д. Ллойд-Джордж, — прекрасно понимают, что они обязаны русской демократии и либерализму тем, что в лице России, несмотря на старания части ее правительства и реакционных партий, они еще имеют верную союзницу». ³⁵ Особо отметил Милюков готовность официальных кругов союзников «поддержать борьбу русских либералов с бюрократией и темными силами». ³⁶ Большие надежды, по Милюкову, союзники возлагали на кадетскую партию. ³⁷ Он заверил кадетов в моральной поддержке союзниками их борьбы с правительством и придворной кликой в области международных отношений и во внутренней политике (в образовании ответственного министерства).

Выступление Милюкова получило широкую огласку в кругах оппозиции, особенно кадетской. Призыв Милюкова «взять внешнюю политику в свои руки» немедленно начал проводиться в жизнь. 20 октября в заседании бюро Прогрессивного блока обсуждается проект его декларации к открытию думской сессии. Были выдвинуты три проекта, ³⁸ в которых большое внимание уделялось взаимоотношениям России с союзниками. «Мы подвергли опасности достижение наших национальных задач, — гласил проект Милюкова, — допустив неумелых руководителей замутить наши дружеские отношения с союзниками. Драгоценное достояние, накопленное при

---

³² Донесение директора Департамента полиции 20 октября 1916 г. // ЦГАОР СССР, ф. 102, Д. п., особый отц., оп. 246, д. 27, л. 13.

³³ Там же, л. 13 об., 15.

³⁴ Там же, л. 13 об.

³⁵ Там же, л. 15.

³⁶ Там же, л. 14, 15.

³⁷ Там же, л. 14 об.

³⁸ Первый проект принадлежал Милюкову, второй — В. В. Шульгину, автора третьего проекта нам установить не удалось. Отличия в проектах декларации незначительные.

предшественниках настоящего министра иностранных дел,³⁹ преступно растягивается по неведению, неспособности или имеет своим источником злонамеренную тайную интригу».⁴⁰ И в выступлениях Милюкова на заседаниях ЦК кадетской партии, и в составленной им декларации чувствовалось сильное влияние впечатлений, полученных им в ходе своей заграничной поездки. Но в максимальной степени эти впечатления и сведения, собранные в Париже и Лондоне, Берне и Лозанне, были использованы лидером кадетов при подготовке им своей «исторической» (по словам самого Милюкова) речи в Думе 1 ноября 1916 г. Некоторые моменты его выступления, судя по черновому варианту текста, хранящемуся в ЦГАОР СССР, целиком были заимствованы им из дневниковых записей его поездки, приведенных выше. Этот момент подчеркивал и сам Милюков, заявивший следующее: «Я пережил это назначение (Штюрмера — министром иностранных дел. — И. А.) за границей. Оно у меня сливается с впечатлениями моей заграничной поездки. Я просто буду вам рассказывать то, что я узнал по дороге туда и обратно, а выводы вы уже делайте сами».⁴¹ Выводы присутствовавшие сделали такие, на которые рассчитывал лидер кадетов. «Измена!» — кричали после каждого патетического заявления Милюкова думцы в адрес правительства и камарильи.⁴²

Подводя итоги, хочется подчеркнуть, что записная книжка П. Н. Милюкова о его поездке на Запад в августе—сентябре 1916 г. интересна прежде всего тем, что она дает новые и непроверяемые свидетельства довольно значительного влияния лидера кадетов на часть более либерально настроенных министров вроде П. Л. Барка или С. Д. Сазонова и на русских дипломатов за границей в конце 1916 г. Осознавая нестабильность и неясную судьбу правительства Николая II и его окружения, вероятность перемены власти, дипломаты видели в Милюкове возможное новое «начальство» по ведомству Министерства иностранных дел, а министры — коллегу по «министерству доверия». Те же причины, а также твердое «антантофильство» кадетского лидера, его сопротивление «сепаратным» веяниям, исходившим от правых кругов России, способствовали дальнейшему упрочению его связей с официальными государственными и политическими деятелями на Западе. Поездка Милюкова наряду с его участием в русской парламентской делегации летом—осенью 1916 г. была своеобразной «генеральной репетицией» лидера кадетов в качестве будущего министра иностранных дел. В полной мере к Милюкову можно применить известные ленинские слова о том, что временное правительство не случайное собрание лиц, что именно «англо-французский империалистский капитал, в интересах продолжения и усиления этой войны. . . подстрекал и обнадеживал Гучковых и Милюковых, подстраивал *совсем готовое новое правительство*, которое и *захватило власть* после первых же ударов пролетарской борьбы, напесенных царизму».⁴³

³⁹ Имелись в виду А. П. Извольский и С. Д. Сазонов.

⁴⁰ Красный архив. 1933. № 1 (51). С. 95.

⁴¹ Выступление П. Н. Милюкова в Думе 1 ноября 1916 г. // ЦГАОР СССР, ф. 102, Д. п., особый отд., оп. 246, 1916, д. 307 (л. АТ I (I)), л. 145 об.

⁴² ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 5, д. 266, л. 66—84.

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 17, 18.